

В.В. Миронов, В.В. Романов*

ЕВРОПЕЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Рецензия на коллективную монографию

«Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования*

*«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33*

Рецензия посвящена выходу в свет фундаментальной монографии «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации», подготовленной коллективом авторов из ведущих российских вузов. Подчеркнутся актуальность и научная новизна исследования, в котором затронут целый ряд сюжетов, не получивших к настоящему времени достаточного освещения в отечественной историографии: особенности трансформации партийно-политической системы в странах Западной Европы и США во время и после Первой мировой войны; изменения, произошедшие под воздействием войны в социокультурной, ментальной сфере; развитие национализма в государствах Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы и национальных движений на периферии международной системы. В рецензии подробно анализируются структура работы, содержание каждой из глав и наиболее важных параграфов. При этом авторы акцентируют наиболее значимые с научной точки зрения выводы исследования, а также обращают внимание на отдельные дискуссионные сюжеты. Отмечается, что авторскому коллективу рецензируемой монографии удалось показать всю противоречивость ситуации «непреодоленного кризиса», которая характеризовала межвоенный период и обернулась новой, еще более страшной и разрушительной войной.

Ключевые слова: Первая мировая война, европейская цивилизация, международные отношения, Июльский кризис, Антанты, Тройственный союз, Российская империя, Версальский договор, Советская Россия, военное планирование, либерализм, консерватизм, социал-демократия, национализм, национальные движения, пропаганда, тоталитаризм.

---

* *Миронов Владимир Валерьевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (e-mail: mironov.vladimir@hotmail.com); *Романов Владимир Викторович* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (e-mail: vvromanov@mail.ru).

** Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014.

100-летие начала Первой мировой войны вызвало небывалый общественно-политический интерес к событиям той эпохи. Важнейшим показателем такого интереса стал своеобразный «издательский бум», проявившийся в огромном количестве новых публикаций о Великой войне. Только за последний год и в России, и за рубежом по этой тематике вышел ряд крупных энциклопедических трудов и фундаментальных монографических исследований¹. Практически каждый авторитетный исторический журнал посвятил началу войны целую серию статей². Такое внимание подогревалось в том числе стремлением отдельных авторов провести некие исторические аналогии между событиями 1914 и 2014 гг.³

Ученые с кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета и ряда других ведущих российских вузов подготовили к этой дате коллективную монографию, посвященную обсуждению «европейского измерения» Первой мировой войны. Такой подход справедливо обосновывается тем, что сам глобальный конфликт вызрел главным образом в недрах Европы, а его итоги повлекли за собой качественный скачок в развитии европейской цивилизации (с. 12). Нельзя забывать и о том, что именно война 1914–1918 гг. привела к разрушению имперского каркаса «старого мира» и обозначила закат европоцентричной модели международных отношений. Все указанные обстоятельства позволили авторскому коллективу сосредоточить свое внимание помимо традиционных сюжетов военной или дипломатической истории Первой мировой войны на отдельных принципиальных вопросах, которые остаются все еще малоизученными в отечественной историографии. К их числу можно отнести динамику развития партийно-политической системы стран Запада и России, сдвиги в социокультурной сфере, национальный

---

¹ Первая мировая война: Энциклопедический словарь / Рук. проекта А.О. Чубарьян; отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: Весь мир, 2014; Россия в Первой мировой войне: Энциклопедия: В 3 т. / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2014; Cambridge History of the First World War / Ed. by J. Winter. Vol. 1–3. Cambridge: Cambridge University Press, 2014; Empires in World War I. Shifting frontiers and imperial dynamics in a global conflict / Ed. by A. Tait Jarboe, R. Fogarty. London: I.B. Tauris, 2014; MacMillan M. The war that ended peace: how Europe abandoned peace for the First World War. London: Profile Books, 2013.

² «Неизвестная» Первая мировая война: материалы «круглого стола» // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 8 (136). Тамбов, 2014; Global perspectives on World War I: a roundtable discussion // Zeithistorische Forschungen: Studies in Contemporary History. 2014. № 1. Available at: <http://www.zeithistorische-forschungen.de/1-2014?q=node/5009> (accessed: 12.11.2014); International Affairs. Special Issue: The Great War. Vol. 90. № 2 (March, 2014).

³ MacMillan M. 1914 and 2014: should we be worried? // International Affairs. 2014. Vol. 90. No. 1. P. 59–70.

вопрос (с. 13). Другими словами, трансформация европейской цивилизации под влиянием войны рассматривается в новой книге, изданной в МГУ, как процесс многофакторный, в котором свою роль сыграли не только военно-стратегические или геополитические условия, но и особенности тыловой жизни воевавших обществ (от повседневных реалий до ментальной сферы). Научный фокус сконцентрирован, по сути, на актуальном вопросе — как менялись суждения европейцев о характере взаимоотношений в «вечной» триаде «индивид-общество-государство» (с. 18–21). В этой связи размышления о Первой мировой войне, представленные в рецензируемой книге, сохраняют свою актуальность и для понимания тенденций развития мирового сообщества в начале XXI в.

Работа включает 15 глав, объединенных в четыре части, каждая из которых посвящена рассмотрению одной из ключевых проблем общей темы: истокам войны, процессу формирования нового облика европейской цивилизации, поискам нового мирового порядка и последствиям глобального конфликта.

В первой главе, состоящей из двух параграфов, реконструирована расстановка сил среди великих держав, сложившаяся к моменту Июльского кризиса 1914 г. в условиях стремительного индустриального развития западноевропейских государств. Авторскому коллективу удалось показать, что начавшийся в конце 1870-х годов процесс раскола Европейского континента на два враждующих военно-политических блока, сопровождавшийся ослаблением роли «концертного» регулирования конфликтов и идеи монархической солидарности, не имел запрограммированного характера. Коренной поворот во внешнеполитическом курсе Германской империи, произошедший в начале 1890-х годов, как показано в монографии, стал результатом тщательной калькуляции возможных дивидендов, которые могли быть извлечены из продолжения дипломатического сотрудничества — как в рамках Тройственного союза, так и по линии альянса трех императоров (с. 33–34).

Новаторским и вместе с тем не лишенным дискуссионности представляется вывод авторов монографии об отсутствии конфронтационной логики в отношениях между Тройственным и франко-русским союзами на рубеже XIX — начала XX в. (с. 34). На наш взгляд, геополитическое положение Германии, в основе которого была потенциальная возможность войны на два фронта, служило само по себе источником латентной международной напряженности, что лишь усугублялось неопределенностью позиции Великобритании. Помещенный в главе материал о статусе последней в мировой экономике, о наращивании Лондоном военно-морских «мускулов» в контексте традиционно акцентируемого в научной

литературе англо-германского узла противоречий как одной из первопричин войны 1914–1918 гг. отличается взвешенным подходом, кристаллизовавшимся в рамках заочной историографической дискуссии российских и зарубежных исследователей (с. 35–38).

Выявляя хитросплетения межблоковой дипломатии на рубеже XIX–XX вв. и акцентируя внимание на милитаризации общественного сознания в западноевропейских государствах как магистральной тенденции предвоенной внутривосточной ситуации (с. 39), авторский коллектив лишь мимоходом упоминает о противоположном тренде в международных отношениях той эпохи. Думается, что это не совсем справедливо. Курс на ограничение вооружений и практика арбитража в рамках созданной на второй Гаагской конференции (1907) постоянной палаты третейского суда свидетельствовали уже о первых попытках институционализации международного механизма разрешения территориальных и иных споров, возникавших между великими державами. Этот опыт, приобретенный в годы войны и после ее окончания, будет востребован, например, при разработке концепции Лиги Наций.

Анализ «балканского измерения» предвоенных международных отношений, представленный во втором параграфе первой главы, показывает приверженность авторов классической схеме: малые страны указанного региона выступают главным образом как объекты приложения внешнеполитической мощи великих держав, стремившихся втянуть их в свою орбиту (с. 42). По нашему мнению, реальное поведение балканских правителей, движимых собственными экспансионистскими амбициями в отношении соседей, не вписывалось в полной мере в такую схему. Это зримо продемонстрировал, например, Скутарийский кризис весны 1913 г., едва не обернувшийся военной акцией Австро-Венгрии против Черногории из-за неуступчивой позиции Цетине, не внявшего тогда совету своего российского союзника.

Картина австро-сербских противоречий (с. 41), воссозданная в коллективной монографии, страдает все же заметным упрощением предвоенной внешнеполитической ситуации. На наш взгляд, следует учитывать, что планы превентивной войны разрабатывались не только в Вене, но и в Белграде. За рамками исследования осталась проблема политического терроризма на Балканах, наличие которой (Сербия, Босния и Герцеговина) закладывало «бомбу замедленного действия» под миротворческие проекты великих держав.

Сюжет рецензируемого труда, связанный с эволюцией западноевропейской военной мысли и стратегического планирования (с. 47), только бы выиграл от интеграции последних с историей разведки. В частности, интересный материал на этот счет можно извлечь из

событий, связанных с делом полковника австро-венгерского генштаба А. Редля, разоблаченного в мае 1913 г. как российского шпиона.

Излагая перипетии Июльского кризиса, авторский коллектив склонен поддержать тезис о не меньшей по сравнению с Германией ответственности Великобритании за сползание к военной конфронтации (с. 58–61), распространенный в современной западной историографии (с. 27–29). В то же время характер отношений между Германией и Австро-Венгрией в период Июльского кризиса трактуется в рецензируемом труде в рамках традиционной «концепции вассалитета» (с. 57–58) без учета новой историографической тенденции, суть которой — оценка внешнеполитических действий Габсбургской монархии летом 1914 г. как равноправного партнера, стремившегося отстоять свой статус великой державы путем развязывания «третьей балканской войны» (с. 36).

Обращение к изучению событий на фронте позволило авторам монографии проследить не только подготовку и динамику войсковых операций, но и существенно возросшее значение промышленного потенциала для их успешного осуществления, а также изменения, происходившие в развитии военного дела в странах Антанты и Четверного союза в годы войны (с. 139–141). Вместе с тем главе присущи отдельные недостатки, одним из которых является преувеличение степени дезинтеграции австро-венгерской армии весной 1915 г. (с. 147). Массовый переход военнослужащих-славян на сторону русской армии осенью 1914 — весной 1915 г. оспаривается рядом зарубежных исследователей, в том числе участниками проекта «Международная энциклопедия Первой мировой войны»⁴. Идеализированная оценка брусиловского прорыва 1916 г. как «наиболее удачной и по сути единственной успешной операции русских войск» (с. 161, 165) противоречит выводам современных российских военных историков, в частности С.Г. Нелиповича, развенчавшего на основе архивных изысканий мифологию, сложившуюся вокруг летнего наступления русской армии 1916 г.⁵

Проблема перестройки системы международных отношений в годы войны, рассматриваемая во второй части монографии, справедливо связывается прежде всего с целями воевавших держав, которые, по оценке авторов, «в значительной степени определялись

---

⁴ Первая мировая война: Энциклопедический словарь / Рук. проекта А.О. Чубарьян; отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: Весь мир, 2014.

⁵ Нелипович С.Г. Брусиловский прорыв как объект мифологии // Первая мировая война: гролог XX века. М.: Наука, 1998; Он же. Наступление русского Юго-Западного фронта летом-осенью 1916 года: война на самоистощение? // Отечественная история. 1998. № 3. С. 40–50.

императивами эпохи» (с. 314). Подобная точка зрения позволила вписать очевидные «империалистические» (или, по другой терминологии, экспансионистские) устремления ключевых участников конфликта в более широкий спектр их внешнеполитических мотивов. Среди последних особое внимание обращается на стремление всех стран укрепить в условиях формировавшегося глобального мира собственные стратегические и экономические позиции. Так, хорошо известные планы создания под эгидой Германии так называемой Срединной Европы связываются в книге не только с претензиями Берлина на доминирование в рамках европейской системы международных отношений, но и с поиском какого-либо действенного способа выдержать конкуренцию с Великобританией, Соединенными Штатами Америки или «славянским натиском» (с. 316–317). Этот подход прослеживается и в оценке позиций государств Антанты. При этом показательно и такое интересное замечание стратегического характера: «...если Россия и Франция [во время войны] были вынуждены в первую очередь сконцентрироваться на том, чтобы отстоять свои позиции европейских великих держав, то для Англии речь шла о сохранении статуса мировой державы» (с. 321). Значительное внимание в монографии уделяется рассмотрению целевых установок других участников конфликта — Австро-Венгрии, Болгарии, Османской империи, Бельгии, Румынии, Японии. Таким образом, большой фактический материал, проанализированный в данном параграфе, наглядно показал, что война в любом случае не могла не привести к коренным изменениям в глобальном балансе сил. Правда, ее исход даже после двух лет упорных сражений был все еще не очевиден. Очевидным стало другое: первые годы войны обозначили тенденцию к ослаблению европейского влияния на периферии международной системы.

Касаясь дипломатических маневров воевавших держав на последнем этапе войны (конец 1916 — ноябрь 1918 г.), Е.В. Романова, автор соответствующего параграфа книги, анализирует возможные альтернативы завершения конфликта. Все соображения, высказанные на этот счет различными европейскими политиками и общественными деятелями, лишь уточняли перспективы «победителей». «Компромиссный мир», по сути, рассматривался лишь леволыберальными и социал-демократическими кругами. Из числа лидеров великих держав наиболее детальную и цельную программу такого рода разработал президент США В. Вильсон. В результате инициатива конструирования «нового мира» оказалась тогда по ряду обстоятельств в руках американцев. В этой связи можно было пожелать авторам монографии сосредоточиться на таком интересном и малоисследованном сюжете, как восприятие вильсонизма в раз-

личных общественно-политических кругах Европы. По сути, этот вопрос остался в некоторой степени «фигурой умолчания» в рецензируемом труде.

Еще одним фактором, который существенным образом воздействовал на поиск «нового миропорядка», был национализм, набравший силу в крупнейших странах Европы многие десятилетия. Оценке той роли, которую сыграла национальная идея в Великой войне, посвящена отдельная глава монографии. Самым первым проявлением национализма стал «патриотический подъем 1914 г.», охвативший воевавшие страны. Точно подмечены поразительное сходство его проявлений и даже характерная общая фразеология по разные стороны линии фронта. Все тогда в один голос заявляли, что ведут борьбу во имя «цивилизации» против «варварства» своих врагов, и везде начавшийся конфликт преподносился как угроза «самому существованию» данного государства и его народа (с. 359–360). Вызывает интерес и представленный в работе анализ тех инструментов, с помощью которых в условиях войны формировался «образ врага». Довольно подробно оценивается, например, характер официальной пропаганды тех лет, ставшей, как и во все другие времена, «причудливой смесью правды и лжи» (с. 369). Другой стороной национализма в те годы было резко усилившееся под влиянием глобального конфликта стремление многих народов к национальному самоопределению. В исторической ретроспективе, как образно подчеркивает А.М. Фомин, Первая мировая война стала все же «звездным часом» принципа национального самоопределения, который, по сути, превратился в один из краеугольных камней послевоенной системы международных отношений (с. 382). Хотелось бы обратить внимание на детальный и весьма актуальный для нашего времени анализ различных интерпретаций принципа самоопределения в общественном дискурсе и в политической практике тех лет.

«Войною умов» названы авторами и академические дискуссии в воевавших странах относительно проблемы войны и мира (с. 405). В книге, в частности, представлена довольно пестрая палитра суждений о причинах войны и ее историческом предназначении. Помимо рассмотрения традиционных теоретических построений, выполненных в духе «реалистической» или «либерально-идеалистической» парадигмы, фрагментарно затрагиваются в этом ряду и альтернативные официальным настроениям точки зрения «пацифистов» (Р. Роллан, Б. Шоу) и радикальных социал-демократов (В.И. Ленин). Перспективы послевоенного мироустройства многие современники связывали главным образом с различными проектами учреждения международной организации, которая стала

бы механизмом предотвращения новых войн. Правда, и в этом случае понимание функций «мироподдерживающих» институтов даже у представителей отдельных стран Антанты, как показано в книге, было различным. Германский взгляд на войну и будущее мира рассмотрен через призму экспансионистской идеологии, прежде всего идей пангерманизма.

Анализ последствий войны для европейской цивилизации начинается в книге с оценок новой модели международных отношений. Версальский мирный договор 1919 г. трактуется авторами как документ, в котором нашли выражение противоречивые подходы победителей к «новому миру». В этом документе отчетливо прослеживаются, во-первых, либерально-демократические и универсалистские ценности, которые в целом отрицали старую и во многом «имперскую» систему международной безопасности; во-вторых, нежелание ряда европейских лидеров (например, Ж. Клемансо) отказываться от проверенных веками традиций «силовой политики», что, конечно, не могло не повлиять на логику Версальских договоренностей; в-третьих, своеобразный ответ на вызов, представленный большевистской внешнеполитической альтернативой. В этой связи парижские договоренности, резонно заключает Е.В. Романова, стали результатом «сочетания и столкновения ценностей, интересов, возможностей великих держав, итогом компромисса между ними» (с. 455).

Оценивая трансформации на глобальной арене под влиянием Великой войны, авторы обращаются к интересной проблеме, связанной с изменениями в международной иерархии и усложнением пространства мировой политики. Прежде всего, речь идет о постепенном подрыве британского экономического превосходства и обретении Соединенными Штатами Америки роли нового мирового финансово-промышленного лидера. Россия, традиционно игравшая роль одной из опор европейского равновесия, после прихода к власти большевиков оказалась вне мировой политики, что в перспективе грозило подрывом формировавшейся новой модели международных отношений (с. 466). Детально прописаны и трансформационные процессы, протекавшие на пространстве Центральной и Юго-Восточной Европы. Соперничество вновь созданных здесь государств, отсутствие четких критериев определения границ между ними, как подчеркнуто в книге, не принесли этому региону какой-либо стабильности после окончания войны. Не забыты и сохранявшиеся разногласия между главными творцами Версальской системы (США, Великобританией, Францией) по конкретным вопросам послевоенного урегулирования. Представленные суждения позволили авторам монографии обосновать вы-

вод о том, что создатели нового миропорядка оказались в ситуации «непреодоленного кризиса, вызвавшего войну 1914–1918 гг.» (с. 474). Данный тезис в полной мере подтверждается и материалами параграфа, в котором освещены роль национального вопроса в дискуссиях на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. и противоречивая практика воплощения в жизнь великими державами принципа «самоопределения наций».

Анализируя влияние войны на дальнейшую судьбу европейской цивилизации, авторский коллектив рецензируемой монографии затронул и чисто военные измерения данной проблемы. В частности, в специальной 12-й главе представлена оценка уроков «тотального конфликта» военной элитой ряда ведущих стран (Франции, Великобритании, Германии, СССР), обдумывавших перспективы развития собственных вооруженных сил и военных доктрин. На первый взгляд, данный сюжет кажется излишне узким и специфическим. Однако следует согласиться с ключевым тезисом автора главы, И.Э. Магадеева: опыт войны наглядно продемонстрировал, что от решения таких принципиальных вопросов, как перспектива милитаризации государства, урегулирование отношений между военным и политическим руководством, преодоление разрыва между армией и обществом, зависело будущее Европы (с. 526). В условиях межвоенного периода европейской истории все эти проблемы обрели действительно судьбоносный характер.

Перестройка партийно-политических систем ведущих европейских стран после войны рассматривается в монографии как сложный и разновекторный процесс поиска оптимальной модели государственного управления в условиях «века демократии». При этом ход не только европейской, но и всей мировой истории показал, насколько нелегкой оказалась задача адаптации демократических традиций XIX в. к новым послевоенным реалиям. Так, вслед за провалом «февральского демократического эксперимента» в России (с. 528) к власти пришли большевики, нацелившиеся на построение жесткой и унитарной государственности. Полиэтничная Габсбургская империя, так и не сумевшая реализовать программу реформаторского обновления, распалась на ряд суверенных и зачастую авторитарных государств. Все они, как точно подчеркивает А.Г. Айрапетов, «по сути своей не были какими-то изолированными и неповторимыми феноменами» (с. 563). Природа «импровизационной демократии» Веймарской Германии была связана скорее с желанием политической элиты не допустить углубления революции (с. 565, 578). Да и в других ведущих странах Запада под лозунгом «возврата к “нормальным временам”» так и не было доведено до конца обозначившееся в годы Великой войны переформатиро-

вание партийных систем (с. 597). К этому следует добавить еще и глубокую «моральную деградацию» общества, произошедшую под влиянием войны. Крах прежних ценностных ориентиров, формирование духовного вакуума в среде «потерянного поколения» оказались благодатной почвой для популяризации тоталитарных представлений об общественном устройстве (с. 605). Иными словами, наследие Великой войны определило основную черту всего межвоенного периода — противостояние сил демократии и тоталитаризма.

Особенности развития общественной мысли после Великой войны рассматриваются авторами 14-й главы на двух примерах. Первый касается различных оценок Версальского урегулирования с точки зрения победителей. А.М. Фомин аргументированно показывает, как академический дискурс на эту тему, представленный в трудах Д. Бернса, Дж. Гобсона, А. Пилле, Г. Ле Бона, А. Тойнби и ряда других авторов, постепенно формировал новое направление в западной политической науке — теорию международных отношений. Второй пример демонстрирует во многом противоположный вектор. Германские суждения об итогах войны сводились главным образом к вопросу об ответственности за ее развязывание. Именно поэтому К.Н. Цимбаев сконцентрировал свое внимание на том, как разделяемый абсолютным большинством немцев тезис о «невиновности Германии» стал питательной почвой для реваншистских, ревизионистских и националистических настроений (с. 637).

Продолжением данного сюжета стала заключительная глава монографии. В ней анализируется «эхо войны» в духовной жизни европейской цивилизации. В фокусе внимания авторов — тенденции послевоенной политической философии, литературы, изобразительного искусства, архитектуры. По сути, ими рассматривается один сквозной сюжет: как шел поиск «новых смыслов и качеств» в каждой из указанных сфер.

Заключение монографии содержит интересные итоговые суждения о том, какое влияние оказала война на европейскую цивилизацию. Хотелось бы отметить взвешенный характер в оценках как во многом прогрессивной попытки отцов-основателей Версальской системы сформировать «новый мир», так и очевидных противоречий процесса послевоенного урегулирования.

Отдельно следует сказать об обширных приложениях к монографии. Они включают в первую очередь важные статистические материалы (численность армий, военные потери, показатели экономического развития и др.). Особую ценность имеет синхронистическая таблица событий Первой мировой войны, в которой показана логика событий в трех измерениях: международные от-

ношения, военные действия и внутривосточная жизнь. Хорошо подобран иллюстративный и картографический материал. Можно посоветовать, однако, что книга лишена именного указателя. В целом же, бесспорно, новая публикация станет прекрасным дополнением к имеющимся в нашем распоряжении обобщающим трудам по истории Первой мировой войны и будет активно востребована не только специалистами, но и самым широким кругом читателей.

V.V. Mironov, V.V. Romanov

THE EUROPEAN DIMENSION OF THE GREAT WAR

Book review of 'The First World War and the destiny of European civilization'

*Derzhavin Tambov State University
33, Internatsional'naya, Tambov, 392000*

The book under review is a fundamental work 'The First World War and the destiny of European civilization' by a collective of scholars from leading Russian universities. Reviewers emphasize a high relevance of the book, which deals with a wide range of issues understudied in the Russian historiography, such as: characteristic features of political transformations in Western Europe and the United States; social and cultural changes in the European society, caused by the war; the growth of nationalism in the Western, Central, and South-Eastern European countries and national liberation movements on the periphery of international system. The reviewers provide their comments on each chapter and on the most important sections of the book and outline both the key results of the research, and some controversial issues. The book review emphasizes that the contributors to this volume managed to capture the ambiguous atmosphere of the 'unsolved crisis', that characterized the interwar period, and which resulted in a new, even more disastrous and horrific war.

Keywords: World War I, European civilization, international relations, July crisis of 1914, the Entente, the Triple Alliance, the Russian Empire, the Treaty of Versailles, Soviet Russia, military planning, liberalism, conservatism, social democracy, nationalism, national liberation movements, propaganda, totalitarianism.

About the authors: *Vladimir V. Mironov* — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair of World History, Derzhavin Tambov State University (e-mail: mironov.vladimir@hotmail.com); *Vladimir V. Romanov* — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair of International Relations and Political Science, Derzhavin Tambov State University (e-mail: vvromanov@mail.ru).